

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ У БАЛКАРЦЕВ

Балкарцы – тюркоязычный народ, коренные жители Республики Кабардино-Балкарии, расселены преимущественно в горных и предгорных ее районах в верховьях и по среднему течению рек Черек, Чегем, Баксан, Нальчик, Малка. Исторические селения балкарцев – Большая Балкария (Уллу, или Къара-Малкъар), Холам, Безенги, Чегем. Басхан – располагались на высоте 1400 – 2300 м над уровнем моря¹. Селения в свою очередь подразделялись на несколько (даже несколько десятков) мелких поселков, их жители называли себя *малкъарлыла, холамлыла, безенгылыла, чегемлиле, басханчыла* при общем самоназвании *таулула*, что означает «жители гор». Балкарцы говорят на одном языке с карачаевцами, который относится к кыпчакской ветви тюркской группы урало-алтайской языковой семьи, его словарный состав весьма неоднороден: кроме кыпчакского пласта, составляющего его основу, в нем широко представлены и огузские элементы. Есть в балкарском языке также термины иранского и кавказского происхождения. В карачаево-балкарском языке имеются три диалекта: малкарский (ц-диалект), чегемско-холамско-безенгиевский (ж-диалект, литературный балкарский язык), баксанско-карачаевский (дж-диалект, литературный карачаевский язык). По своему антропологическому типу балкарцы и карачаевцы относятся к кавказской подгруппе европеоидной расы (согласно классификации В.П. Алексеева) и имеют в этом отношении наибольшее сходство с осетинами, горцами Грузии и вайнахами. Численность балкарцев на сегодняшний день составляет около 100 тыс. чел. Балкарцы соседствуют на юге с грузинами-рачинцами и сванами, на востоке – с осетинами и на севере – с кабардинцами. Во многих селениях кабардинцы и балкарцы живут смешанно. Площадь этноареала балкарцев составляет примерно 8000 км².

Этногенез балкарцев и карачаевцев остается пока предметом научных дискуссий. На сегодняшний день имеются четыре основные точки зрения в отношении их происхождения. Согласно первой, они являются результатом смешения носителей аборигенных кавказских культур с пришлыми ираноязычными аланами, тюркоязычными племенами хазаро-болгарского круга и половцами. Последние, по мнению сторонников этой версии, сыграли главную роль в этнообразовании. По другой теории, балкарцы и карачаевцы – прямые потомки изначально тюркоязычных скифов и алан, а также болгар и хазар. Третья версия гласит, что балкарцы и карачаевцы – результат смешения тюркизированных алан с оседавшими в предкавказских степях половцами. Наконец, есть мнение, что балкарцы и карачаевцы – генетические потомки древнекавказских племен, перешедших на тюркский язык.

В прошлом, вплоть до насильственного выселения балкарцев в Среднюю Азию в 1944 г., большинство из них жило в труднодоступных засушливых ущельях и в долинах горных рек, где почвы в основном горно-луговые. В ущельях почвенный слой достигал 15–25 см, но, несмотря на темный цвет, из-за слабого перегноя эти земли были малоплодородны и практически не пригодны для земледелия без окультуривания. Горно-тундровые почвы, имевшие толщину 5–15 см, также бесполезны в этом отношении. Вследствие такого состава почв в Балкарии выращивание сельскохозяйственных культур без внесения удобрений и полива было невозможно. Основу традиционной хозяйственной системы составляло отгонное скотоводство (трансюманс), поэтому большинство земель балкарцы использовали как сенокосные и пастбищные угодья. Тем не менее земледелие занимало в жизнеобеспечении балкарцев значительное место.

Приведенный выше историко-географический экскурс необходим для более четкой постановки вопроса о типологических чертах традиционного земледелия балкарцев. Конечно, сравнительно-генетический подход не поможет нам ответить на вопросы о доместикации и интродукции сельскохозяйственных культур в этом регионе, но мы

вправе использовать разнообразные, в частности археологические, материалы как доказательство древности местной земледельческой традиции. Это необходимо для выявления исторических этапов в развитии балкарских земледельческих навыков, что, на наш взгляд, само по себе должно определять большую историческую давность этой сферы культуры балкарцев.

Отечественная аграрная этнография относится к числу наиболее фундированных отраслей этой науки. Несомненно, большую роль в ее развитии сыграли труды выдающегося отечественного биолога и агронома Н.И. Вавилова, который обращал пристальное внимание на северокавказский регион. Он побывал во многих местах Северного Кавказа, в том числе и в горах Кабардино-Балкарии. Интерес ученого был направлен на изучение местных земледельческих традиций, результатом которого стал его труд «Горное земледелие на Кавказе». Десятилетия, прошедшие со времен деятельности Н.И. Вавилова, дали в наши руки многочисленные, а порой бесценные конкретные факты развития агрикультуры в горах Центрального Кавказа. Эта задача относится к категории культурогенетических проблем, поэтому этнологу приходится исследовать ряд палеокультурных аспектов генезиса жизнеобеспечивающих систем этноса. Выполнение этой задачи осложняется весьма слабой степенью археологических исследований в горах Кабардино-Балкарии. При изучении этого вопроса выявляется и другой его аспект – экологический, для рассмотрения которого необходимо проследить палеоклиматические процессы в изучаемом регионе, определить природно-ландшафтные изменения и т.д. Это, конечно, усложняет поставленную задачу, но ее решение поможет нам максимально точно охарактеризовать агрикультурный фон, на котором развивалась балкарская земледельческая традиция. Определяя задачу данного исследования, мы намеренно раздвигаем его хронологические рамки, так как в нашем распоряжении имеются археологические материалы, касающиеся IV тыс. до н.э., письменные источники позднего средневековья, нового и новейшего времени, а также лингвистические и фольклорные данные.

Касаясь историографии вопроса, следует отметить, что земледелие у балкарцев не нашло достаточного отражения в специальных научных исследованиях. В известной степени наша задача облегчается наличием монографии Б.А. Калоева, рассмотревшего земледелие у всех народов Северного Кавказа². Кроме того, имеется ряд работ ученых Кабардино-Балкарии, в которых раскрываются те или иные стороны земледелия и землепользования у балкарцев³. Как правило, в общекавказской литературе балкарское земледелие упоминается вскользь или утверждается его второстепенное значение в экономике. Такой подход неприемлем для этнологического исследования, при проведении которого важен вопрос отнюдь не о том, какую площадь занимает посевной клин, сколько собирается урожая и т.д. Более важны культурологические стороны проблемы: какие имелись земледельческие навыки и технологии, какие практиковались системы земледелия, каковы были формы землевладения, какие отправлялись земледельческие обряды и, наконец, самое главное – какое место занимало земледелие в системе ценностей этноса.

Разнообразные и гибкие, экологически сбалансированные традиции свидетельствуют об их древности и трансмиссии древних хозяйственных моделей в более поздние эпохи. Это заключение на первый взгляд выглядит неожиданным на фоне преобладавшего в этногенезе балкарцев (по мнению большинства ученых) тюркского по языковой принадлежности кочевого компонента. В данной работе я хочу поднять ряд проблем, решение которых направлено на пересмотр некоторых страниц ранней этнической истории исследуемого народа.

Кавказское земледелие имеет весьма глубокие исторические корни. В общем благоприятные климатические условия, плодородные почвы равнин и долин, опыт земледельцев, накопленный веками, – все это в сочетании давало хорошие результаты. Н.И. Вавилов доказал, что Кавказ был родиной целого ряда культурных зерновых и садово-огородных растений⁴. Исторически сложилось так, что интенсивность земледелия в различных районах Северного Кавказа была неодинаковой: у народов, населяв-

ших горы, оно получило большее развитие, нежели у жителей равнин. Причин тому несколько. Постоянная угроза со стороны соседних многочисленных кочевых завоевателей, мобильная система жизнеобеспечения не позволяли жителям предкавказских равнин вырабатывать высокие навыки земледелия; к тому же прекрасные почвенно-климатические условия на равнине не требовали интенсификации этого процесса: в горах, напротив, из-за сложных климатических условий и отсутствия плодородных земель люди в целях повышения урожайности культур вынуждены были прилагать огромные физические усилия и заниматься экспериментированием, они также расширяли возделываемую площадь, сооружая террасы.

Земледелие достигало высокой степени развития у тех народов, которые либо имели продвинутые властные структуры с сильными военными организациями, способными отражать притязания извне, либо занимали географически изолированные этноареалы. Главным условием в обоих случаях становилась стационарность хозяйственной модели этноса. Горные цивилизации отвечали этим условиям: они были изолированы от внешнего мира, а их военная организация всегда находилась на высоком уровне. Ярким примером этому может служить хозяйственный быт шапсугов: у той их части, которая жила на равнине, земледелие было экстенсивным и слабо развитым, в то время как у горных шапсугов земледелие и садоводство достигали довольно большого развития⁵. Подобная картина наблюдалась практически по всему Северному Кавказу.

Наиболее ранние зерновые культуры на Северном Кавказе – просо и ячмень, предков которых биологи считают эндемиками этого региона. Их остатки были найдены археологами во время раскопок Чохского поселения в Дагестане, датируемого концом VI – началом V тыс. до н.э.⁶ Древнейшими земледельцами в Центральном Предкавказье были племена, оставившие нам Нальчикскую подкурганную гробницу, жившие в IV – III тыс. до н.э.⁷ Естественно, что в течение полутора тысяч лет, разделяющих эти находки, происходили взаимодействия двух культур и исключить появление земледелия на Центральном Кавказе в историческом измерении синхронно с Дагестаном мы не можем. Носители так называемой северокавказской археологической культуры изготовляли большие керамические сосуды, которые можно было использовать для хранения зерна (зачастую на дне их археологи обнаруживали обуглившиеся зерна).

В недрах северокавказской культуры, охватывавшей II тыс. до н.э., на территории Карачаево-Черкесии, Кавминвод, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, части Горной Чечни зарождалась знаменитая кобанская культура, распространившаяся преимущественно в горных и предгорных областях региона. Именно носители этой культуры, как считают ученые, стали одним из важнейших компонентов в этногенезе многих народов – обитателей Кавказского хребта, в том числе балкарцев и карачаевцев⁸. О хозяйственном быте кобанцев написано много. Отмечу лишь, что наряду со скотоводством они занимались и земледелием. При основании поселений учитывали необходимость отводить под посевы приречные ровные участки земли, а населенные пункты строили на склонах гор, приспособляя их к рельефу местности. Такой вариант распределения экологических ниш мог сложиться преимущественно у земледельческих групп. Интересно, что балкарцы практически полностью сохранили со времен своих предков подобный тип поселений вплоть до XX в. Среди многих параллелей между балкарской и кобанской культурами можно отметить обязательное наличие в жилом доме зернохранилищ (балк. *гуму*).

Отдельного изучения требуют некоторые балкарские названия сельскохозяйственных культур и инвентаря, которые трудно объяснить через лексику тюркских языков (о них речь пойдет ниже). Нам кажется, что эти архаизмы, как, впрочем, и сама технология земледелия, восходят к кобанской эпохе, когда в горах появились постоянные поселения. С этого времени начинается генезис балкарского земледелия.

Горное земледелие в своем развитии имело некоторые особенности, отличавшие его от равнинного: равнинное земледелие развивалось спонтанно, вбирая в себя элементы хозяйства соседних народов или завоевателей, а географическая изолированность горных жителей создавала условия для сохранения вплоть до нового времени хозяйст-

венных традиций далеких предков. Земледельческая сфера культуры – одна из самых консервативных, и с ее помощью можно проследить некоторые этногенетические процессы в регионе.

Важнейшим событием в истории местного земледелия I тыс. до н.э. стало распространение железа. Его появление дало земледелию новый импульс. Сельскохозяйственные орудия усовершенствовались и при работе давали большую эффективность. В обиходе кобанцев появились железные серпы, наконечники рал. В период поздней бронзы и раннего железа происходил общий рост производительных сил. Земледелие проникло в высокогорные районы Центрального Кавказа. Металлургия получила дальнейшее развитие благодаря новым разработкам руд в бассейнах рек Чегем, Баксан и Малка, о чем свидетельствует увеличение находок орудий труда и оружия из железа. В это время имела место унификация орудий труда, что объясняется началом более тесных культурных и торговых отношений между племенами, с одной стороны, и их «скифизацией» – с другой⁹. Именно к рубежу новой эры завершилось складывание агрокультурного фона, на котором стали вырисовываться поздние общекавказские параллели в культуре, в том числе в хозяйственной деятельности: общие названия некоторых растений, земледельческих орудий, общие технологии полеводства и мелиорации.

Несколько иная картина складывалась в горах. Вследствие отступления ледников в первых веках нашей эры здесь значительно увеличилось население – видимо, уже смешанное алано-кобанское, которое занималось и земледелием, и охотой. Основным же занятием этого населения, по мнению некоторых исследователей, было скотоводство: такое суждение ученых основывалось на многочисленности находок в кобанских погребениях черепов горных баранов и козлов. Здесь следует отметить, что у балкарцев и карачаевцев бог охоты Апсаты (у осетин Афсаты, у сванов Апсат) предстает именно в облике горного козла, а баран, как известно, у многих народов Кавказа служил символом плодородия. Изображения козла и барана помещали на ритуальных стягах на празднике первой борозды.

В начале нашей эры усилилось антропогенное воздействие на окружающую среду: вырубались леса, строились террасы, оросительные сооружения, увеличивались посевные площади и поголовье скота. Сохранила свои позиции и охота (остеологическое обследование позднекобанских погребений показало, что в рационе населения мясо дикого кабана и козла составляло значительную долю). Свиноводство у кобанцев было довольно сильно развито, что весьма характерно для земледельческих, оседлых цивилизаций. Видимо, эту отрасль скотоводства балкарцы унаследовали от кобанцев. Вплоть до начала XIX в. свиней в большом количестве содержали во всех общинах Балкарии. Более того, их мясо было неотъемлемым компонентом ритуальных торжеств, так как это животное служило одним из символов плодородия и благоденствия. В балкарском языке сохранилось шесть наименований свиньи, уточняющих возраст и пол этого животного.

К началу великого переселения народов на предкавказской равнине появились новые полуоседлые и кочевые племена-завоеватели и горцы лишились своих зимовий и части скота. Вследствие этого к V-VII вв. интенсифицировалось земледелие и повысилась его роль в системе жизнеобеспечения у предков балкарцев – асов, аштигоров, двалов, алан и др. Начал ощущаться дефицит пахотных земель, что вынуждало земледельцев применять наиболее эффективные агротехнические приемы с целью повышения урожайности. Продолжалось террасирование склонов. Пахотные и покосные участки обращались в собственность отдельных родственных групп. Начали сеять пшеницу, которая, однако, никогда не была широко распространена в горах из-за короткого лета.

Осевшие в Предкавказье тюркоязычные племена постепенно переходили к земледелию, которое, впрочем, не получило у них значительного развития. Это касается в первую очередь хазар и болгар, чей хозяйственно-культурный облик в VIII-X вв. можно охарактеризовать как полукочевой и полуоседлый. Специалисты по истории

средневековья отмечают, что «хазарская» система земледелия была ярко выраженной полукочевой: «Население весной передвигалось на свои участки, обрабатывало и засевало землю и, собрав урожай, возвращалось на зимовку в город (Итиль. – Б.К.)»¹⁰. Такой тип хозяйствования был переходным этапом от кочевой системы к стационарной. Л.Н. Гумилев полагал, что в более ранние периоды истории хазары были землепашцами, лишь позже экологические катаклизмы в Центральной Азии заставили их перейти на скотоводческое кочевое хозяйство¹¹.

Болгары Прикубанья – так называемые черные болгары – также занимались возделыванием зерновых и огородных культур. Тем временем на территории Центрального Кавказа происходило усиленное взаимовлияние местных культур. Среди археологических находок VIII–XII вв. встречаются сохранившиеся или обуглившиеся зерна пшеницы, проса и ячменя, каменные жернова. На территории Кабардино-Балкарии они и сегодня нередко обнаруживаются в погребениях и городищах X–XII вв. В горах и предгорьях в это время господствовали аланы, которые выработали довольно высокие навыки земледелия. Свидетельством тому могут служить находки – жернова из ст-цы Змейской и аланский тяжелый плуг XII в. из с. Заюково¹². Аланы и половцы, составившие население городов Маджары и Джулат, также широко практиковали земледелие, доказательством чему служат огромные зернохранилища, обнаруженные археологами в этих городах. Горожане сочетали это занятие с яйлажно-кочевым скотоводством¹³. Такой тип земледелия у обитателей названных городов был, скорее всего, аналогичен описанному выше хазарскому типу. Можно предположить, что традиции городского земледелия здесь были более глубокими, чем в Хазарии. Армия Тамерлана разграбила Джулатские зернохранилища, запасы которых были значительны¹⁴.

В эпоху Золотой Орды относительная политическая стабильность способствовала развитию хозяйства. В это время тюркские культурные элементы проникали в кавказскую среду особенно интенсивно. С XIII–XIV вв. мы уже можем говорить о таулула (балкарцах) как об окончательно сформировавшемся этносе¹⁵.

После нашествия Тамерлана экономика народов Северного Кавказа пришла в упадок: обезлюдели большие пространства, поголовье скота было сведено к минимуму, пахотные участки надолго заброшены. Высокогорные районы меньше пострадали от завоевателей: не все ущелья подверглись опустошению, там нашли убежище беженцы из предгорий и равнин. Поэтому жизнь в этих местах быстро стабилизировалась, и балкарцы в начале XV в. сами совершали вылазки к соседям. Так, надпись на Цховатском кресте, датированном этим временем, гласит, что *басиани* (грузинское название балкарцев. – Б.К.) захватили в плен ксанского пристава¹⁶.

Интересные сведения о земледелии содержатся в легенде о Малкаре – выходеце из г. Маджары, который был якобы первым балкарцем и поселился в самом древнем из обществ Балкарии – Балкарском: древнее население его, называвшее себя таулуло, занималось земледелием и скотоводством, имело священные сенокосы. В семье Малкара, женившегося на женщине из таулуло, употребляли ячменное пиво¹⁷. Согласно другой легенде, первые поселенцы-балкарцы Чегемского общества, охотники Кътулуй и Итез, убив в лесу животное, обнаружили в его желудке просо. Отправившись на поиски, они поднялись вверх по р. Чегем и нашли ухоженные поля и поселения¹⁸. Как видим, в обоих вариантах легенды пришельцы застали в горах довольно развитое земледелие.

Рассматривая фольклорные тексты, можно обнаружить древнейшие пласты этнической культуры. У народов, имеющих давнюю земледельческую традицию, последняя отражается в самых древних сюжетах фольклора. Не является исключением и балкарский фольклор. В одной из детских присказок говорится:

Эртте биреу бар эди,
Темир тиреу бар эди,
Таш те гене бар эди,
Агъач элек бар эди.

Давным-давно человек был,
Давным-давно железный засов (подпорка) был,
Давным-давно каменное корыто было,
Давным-давно деревянное сито (решето) было¹⁹.

Этот текст содержит в себе названия бытовых предметов и материалов, из которых они сделаны, – каменное корыто и деревянное сито для просеивания муки, происхождение их относится к неолитическому времени. Событие, о котором в сказании идет речь, было очень давно, когда еще пользовались этими предметами. Историческая память балкарцев зафиксировала в другом эпическом тексте воспоминания о пещерном образе жизни их предков.

Эртте-эртте, дорбунлада тургъанда,
Таш тегене, агъач элек болгъанда.

Давным-давно, когда все жили в пещерах,
Когда каменные корыта и деревянные сита были²⁰.

И здесь хронологический показатель древности указываемой эпохи ассоциируется с теми же предметами быта земледельца, что, на наш взгляд, указывает на этнические жизнеобеспечивающие ценности. В нартском эпосе балкарцев говорится о том, что нарты возделывали многие виды сельскохозяйственных культур, занимались охотой, и это находит подтверждение в археологических находках.

Интересные сведения по истории земледелия у балкарцев мог бы дать лингвистический анализ терминов, касающихся этой сферы культуры жизнеобеспечения. Следует обратить внимание на тот факт, что названия основных зерновых культур, плодовых деревьев и орудий труда у балкарцев – общетюркские: *будай* (tricum) – пшеница двузерная; *арпа*, *ашлыкъ будай* (hordeum) – ячмень; *алма* (malum) – яблоня; *эрик* (prinus) – слива; *оракъ* – серп, *чалгъы* – коса и т.д.²¹ Вместе с тем ряд очень важных, довольно архаических терминов или «прозрачных», если их рассматривать с позиций осетинского языка, или «непрозрачных» вообще и предположительно уходят в глубокую древность. К первым относятся *хычын* – пирог с сыром и с мясом (осет. *фитчын*, где *фит* – мясо), *ардар* – языческий праздник плодородия и божество, сенокосная терминология: *гебен* – стог сена; *антау* – скирда; *лаппыр* – маленький стог сена; *батан* – охалка сена и т.д. Несомненно, правы В.И. Абаев и Б.А. Калоев, утверждающие, что эти осетино-балкарские параллели восходят к аланской общности²². Видимо, племена аланского союза были двуязычны или даже многоязычны.

Ко второй категории терминов можно отнести следующие: *зынтхы* – овес; *готтон* – плуг; *акур* – корпус плуга; *адау* – борона; *лысхын* – одно из звеньев плуга, соединяющее его с тягловым животным; *чомача* – наконечник плуга; *глос* – ручка плуга; *малдуж* – зябь; *мадул*, *къыртиши* – целина, залежь; *манс* – кожаная веревка для привязывания плуга к волам и т.д. Под названием *гутан* в Чегемском обществе Балкарии известен пышный обряд выхода на первую борозду²³.

Много интересных параллелей обнаруживается при сравнительном перечислении названий мучных изделий. Наряду с общетюркским *етмек*, восходящим к гунско-болгарскому этническому кругу (ср.: тур. *экмек*, татар. *этмек* и т.д.) и употребляемым редко, существует литературно-разговорный *гыржин* – хлеб. У осетин имеет место термин с тем же значением *кырден*, у сванов *гыржин*. В детской лексике балкарцев хлеб называется *банну*. Для сравнения интересно привести факты из детской лексики других языков: хлеб у осетин – *баббул*, у сванов – *banну*, у вайнахов литературное название хлеба – *банник*²⁴. В том, что слова, сохранившиеся в современной детской лексике, восходят к древнекавказской, скорее всего к «кобанской», среде нет сомнений: лингвисты считают эту лексику наиболее древним пластом языка. По нашему мнению, необходимо либо признать, что тюркская терминология была более поздней, либо пересмотреть хронологию появления древних тюрков на Кавказе. Многие из приведенных наименований растений и орудий труда имеют тюркское происхождение: они встречаются в древнетюркских письменных памятниках – «Кодексе Куманикусе» и в слове Махмуда Кашгарского²⁵.

Одной из важнейших особенностей балкарского земледелия было использование сложных мелиоративных систем *липпинле* – канав или арыков и *быргъыла* – керамических или прорубленных в скале желобов для водоотвода. Построенные в большинстве своем приблизительно в XV-XVIII вв., а некоторые из них, по предположению ученых, даже в раннем средневековье, они функционировали вплоть до XX в.

Интересен и вопрос о времени их создания. Б.А. Калоев отмечает, что, кроме Карачая и Балкарии, только в Восточной Чечне практиковалось искусственное орошение; при этом исследователь полагает, что строительство оросительных систем восходит, возможно, к аланским временам²⁶. И.М. Мизиев считает, что лыгитский водопровод в Верхнем Чегеме, который поднимал воду из ущелья в городище, был построен в первые века нашей эры²⁷. В Холамском обществе практически ко всем террасам, расположенным на высоте 2000 м над уровнем моря, были проведены арыки. Уникальные вырубленные в скалах желоба, с помощью которых балкарцы орошали высокогорные участки, расположенные намного выше водного источника.

Сложная система мелиорации у балкарцев в XIX в. поражала современников гидротехническими решениями. Анонимный путешественник писал в газете «Терские ведомости»: «Они (т.е. балкарцы. – Б.К.) – высококлассные гидротехники, искусству которых могли бы позавидовать многие специалисты»²⁸. Сеть ирригационных сооружений была одинаково густой в Балкарском, Холамско-Безенгиевском и Чегемском обществах. В Баксане и Карачае она была несколько реже, может быть из-за более влажного климата. Несомненно, что главная причина высокого развития культуры искусственного орошения у балкарцев и карачаевцев – небольшое количество выпадающих осадков. В долине р. Черек Балкарский в среднем выпадает до 300 мм осадков, в то время как в верховьях Лабы и Садона – 600 мм²⁹. Недостаток осадков, таким образом, восполнялся ледниковыми ручьями и речками – притоками больших рек, служившими важнейшими источниками влаги для полей. Вода многих из этих рек в летнее время практически целиком направлялась на пахотные и сенокосные участки.

Строительство и содержание ирригационных сооружений требовали от земледельцев не только большого физического труда, но и определенных знаний и навыков. В Балкарии и Карачае специалисты по строительству и обслуживанию оросительных систем ценились высоко, хотя чаще всего каждый крестьянин сам обслуживал свой участок.

Земледельческий год начинался для балкарцев еще ранней весной – в марте – апреле с очистки полей и арыков от камней, завалов и засорений. Сооружения общесельского пользования строились и содержались всей общиной.

Функционирование системы водопользования представляет значительный интерес. Первый в году пробный пуск воды сопровождался празднеством и приношением в жертву барана или козла: часть мяса съедалась в тот же день, а другая в вяленом виде сохранялась до следующей весны. Пекли ритуальные пироги. Семьи, не участвовавшие в общинных работах, должны были платить за пользование водой частью урожая или деньгами. Те хозяева, которым вода была не нужна, продавали свое время полива нуждавшимся. Таким образом, вода становилась объектом купли-продажи. Нарушение водного режима, как-то: воровство воды или самовольный передел системы – каралось «отлучением» от воды, и нарушителю приходилось на себе таскать воду из большой реки. Малые речки и ручьи могли стать причиной межобщинных столкновений, как это было в конце XIX в. в Холаме и Безенги, когда жители этих обществ, пуская в ход оружие, пытались присвоить себе право пользоваться речкой Кирют. Спор этот продолжался несколько десятилетий.

Балкарцы и карачаевцы занимались и богарным земледелием, т. е. без всякого полива на очень высоких крутых откосах³⁰. Об этом писали многие дореволюционные исследователи. При отсутствии поблизости водного источника иногда использовалась дождевая вода. В селении Кочхарташ имелась небольшая запруда – водохранилище, куда стекались ручьи дождевого питания, и при необходимости его вода выпускалась на поля.

Как видно из приведенного выше материала, балкарские земледельцы выработали довольно эффективный механизм адаптации к неблагоприятным геоклиматическим условиям, и поэтому неудивительно, что в благоприятные годы они получали довольно хорошие урожаи зерновых.

Для более полного представления о земледелии у балкарцев необходимо рассмотреть

реть земельные отношения. Однако в связи с ограниченными рамками журнальной статьи и наличием ряда исследований по этому вопросу³¹, я не останавливаюсь на нем. Отмечу лишь, что в Балкарии, как и в Карачае, существовали довольно сложные поземельные отношения. Известно несколько видов аренды и субаренды (*бегинди*, *ортакъ* и др.). Земля могла стать объектом залога. Частная и групповая (фамильная) собственность на пахотные земли сформировалась здесь довольно давно.

Имеющиеся архивные, литературные и даже фольклорные материалы не дают нам оснований для утверждения, что в Балкарии имелось общинное землевладение, по крайней мере на пахотную землю. Каждый участок чаще всего имел топонимическое название, содержащее в себе имя хозяина – *Къудайланы сабан*, *Хажалийланы сабан* и т.д. В дореформенный период, т.е. до 1868 г., пахотными участками владели лишь горские князья (*таубии*) и большинство узденских (балк. *езденле* – букв. «наши») фамилий. Остальные же пользовались землей на правах арендаторов или наемных работников. Люди из зависимых сословий наделов не имели. Наличие своего пахотного участка было важнейшим элементом узденства (*езденлик*) и служило показателем родовитости узденя и его состоятельности. Практически всегда хозяин сам обрабатывал свою землю. Объясняется это в первую очередь высоким престижем земледелия. Зависимые крестьяне и наемные работники лишь помогали владельцу. Каждая уважающая себя семья считала своим долгом по весне расчистить от камней и вспахать свою родовую землю, которую обрабатывали десятки предшествовавших поколений³².

Продажа пахотной земли (*сюргю жер*, *сабанлыкъ*), доставшейся от предков и политой их потом, осуждалась обществом до конца XIX в. После аграрной реформы к концу XIX в. ее можно было продавать, и она очень высоко ценилась. Об этом говорит народное изречение: «Участок земли, занимаемый лежащим быком, стоит быка»³³. Несколько иным было отношение к покосным и пастбищным участкам, которые практически всегда были объектами купли-продажи, передачи в калым и в дар.

Земли у балкарцев разделялись на пахотные угодья (*сюргю жерле*), покосные (*чаллыкъ жерле*), садово-огородные (*бахчала*) и пастбищные (*жайлыкъла*) участки. Все эти виды угодий нуждались в постоянном уходе и требовали большого вложения труда. Даже пастбищные и луговые покосные земли в засушливые годы поливались и очищались от камней и муравейников. Пашенные участки всегда были объектами повышенного внимания землевладельцев. И богатые, и бедные с одинаковой заботой относились к ним: весной очищали от камней, которые скатывались со склонов и со скал, ремонтировали мелиоративные системы, вспахивали, рыхлили, засеивали, боронили, поливали, сторожили урожай от птиц, боролись с грызунами, приводили в порядок ограды вокруг участков, выпалывали сорняки. Эти работы производились в апреле – июле.

В первой декаде апреля устраивался праздник «выхода на первую борозду». В разных обществах Балкарии он назывался по-разному. Например, в Холаме, Безенги и Малкъаре он был одним из компонентов грандиозного праздника встречи весны – *Голлу*. По мнению ученых, этот термин связан с именем земледельческого божества. В Чегеме справляли два весенних праздника, посвященных началу земледельческих работ, – *Хардар* и *Гутан*. В Баксанском обществе этот обряд назывался *Сабантой*. Эти обряды и праздники сопровождались многочисленными приношениями в жертву скота («Чем больше скота заколешь, тем урожайнее будет год», – говорили балкарцы). При этом долю мяса непременно «отдавали» священным камням, деревьям. Несмотря на установление в Балкарии ислама, эти обряды соблюдались вплоть до начала XX в. Многие информаторы – наши современники – в детстве участвовали в этих празднествах. Не будет большой натяжкой утверждение, что сложный и разнообразный ритуал – свидетельство древности земледельческой традиции³⁴.

Пашни у балкарцев были двух типов: естественные и террасные. Первые располагались на природных ровных или с небольшой покатостью участках, чаще всего вдоль

рек. Они были более плодородны: весной здесь дольше задерживался снег, а летом – дождевая вода. Внесение удобрений и полив здесь не требовали такого труда, как на других участках, так как они располагались, как правило, недалеко от селений. Такие участки по большей части принадлежали князьям и родовитым узденям. Крупнейшими естественными пашнями в Балкарии были участки Фызы в Холаме площадью 40 га и Бабас-Сабан в Чегеме (10 га).

Глубина почвенного слоя на естественных пашнях не позволяла работать тяжелым плугом. На полях, расположенных на солнечной стороне долины, сеяли чаще всего тепло- и влаголюбивые злаки – пшеницу и просо.

Естественные пашенные участки занимали в Балкарии меньшую часть угодий. Большую часть посевных площадей (70%) составляли террасы³⁵. Остановимся на них подробнее. По их концентрации Балкарию можно сравнить с Горным Дагестаном, где они занимали 80% всех пахотных площадей. Строительство террас (балк. *дуркзула* или *танхала*) практиковалось в Балкарии вплоть до выселения балкарцев в Среднюю Азию в 1944 г. Оно требовало не только огромных физических усилий, но и знания строительного дела. Высота каменной кладки для террасы достигала от 1 до 7 м при длине от нескольких десятков до нескольких сот метров. Некоторые террасы достигали площади 1–1,5 га. В строительстве их участвовало до 100 чел., и продолжалось оно иногда несколько месяцев. Строителям предстояло перенести с одного места на другое от 1 до 15 тыс. м³ земли и камней. Нижний слой террасы состоял из крупных камней и глыб, затем шли мелкие камни и желтая глина. Следующим этапом был завоз почвы и перегноя. В целях их утрамбовки загоняли овец и коров. Такой способ заполнения террасы способствовал максимальному задержанию влаги. При строительстве учитывались все факторы – характер почв, склона, растительности и т.д. Террасы выполняли две важные функции: первая – оптимизация рельефа с целью уменьшения вероятности схода снежных лавин и селей; вторая – увеличение площади пахотных угодий. Кроме того огороженные террасы служили загонами для скота³⁶. Как видим, при сочетании традиционных природоохранных и земледельческих навыков возник оптимальный, с экологической точки зрения, вариант антропогенного воздействия на среду обитания. Это привело к интенсификации самого земледелия.

В ряде районов мира подобное воздействие на естественный рельеф часто приводило к многочисленным катастрофам в виде селево-каменных сходов³⁷, в то время как по отношению к Балкарии есть сведения лишь о двух подобных происшествиях – в Чегеме в конце XIX в. и в Безенги примерно в это же время³⁸. Характерно, что иногда террасы возводили вдали от поселений, на очень большой высоте. Некоторые из них были расположены недалеко от летних стоянок скотоводов на высоте 2700 м над уровнем моря. На них сеяли чаще ячмень, а позже и картофель.

Метод террасирования балкарцы применяли и при прокладке дорог в горно-скалистой местности. Практически сами поселения представляли собой террасы: крыши одних домов служили дворами для других или даже частью дороги. Улочки в селениях представляли собой фактически длинные террасы. Этот вид террасирования исторически предшествовал сельскохозяйственному террасированию.

Важнейшими условиями эффективности земледелия были как правильные севообороты, так и использование обогащенной почвы. В горах это было еще более важно, чем на равнинах, ибо в горной местности плодородный слой часто смывался дождями и земледельцу приходилось восстанавливать его. Лучшим удобрением балкарцы считали куриный помет. Но его было мало и использовался он чаще всего на приусадебных огородах. Поэтому основным удобрением служил перегнивший навоз крупного рогатого скота. О важности его внесения в почву говорят факты купли-продажи в старину навоза в осеннее время по довольно высокой цене – 20 коп. за корзину³⁹. Для сравнения: средний баран стоил в первой половине XIX в. 3 руб. Кроме того, удобрением служила зола из домашних очагов, а также полученная в результате сжигания леса на участках.

Балкарские земледельцы освоили практически несколько систем земледелия: пе-

реложно-залежную, элементы подсечной, паровую и плодосменную. О переложно-залежном земледелии у балкарцев свидетельствует присутствие в языке таких терминов, как *мадула* и *къъртиши* в значениях «залеж» и «целина»⁴⁰. С переселением части балкарцев на более просторные долины переложно-залежное земледелие получило новый импульс.

В горной местности в условиях нехватки земли и увеличения населения срок залежи сокращался, и эта система земледелия постепенно превращалась в паровую, когда один из участков земли оставался целый год под паром⁴¹. Однако большинство земледельцев из-за земельной тесноты не имели возможности применять не только переложную или залежную системы, требовавшие больших пространств, но и паровую, при которой можно было хозяйствовать и на меньших площадях. К залежному земледелию прибегали лишь владельцы больших земельных угодий. Так, князья Шакмановы в Холаме делили на несколько секторов участок Фызы и сочетали паровой и плодосменный виды землепользования⁴². Суть последнего состояла в ежегодном чередовании агрикультур с целью предотвращения минерального истощения почвенного слоя: в один год поле засевалось ячменем, следующий год – пшеницей, на третий год сажали картофель. Переход от зерновых культур к корнеплодам, по мнению балкарских земледельцев, благотворно отражался на урожаях. Столь интенсивная эксплуатация земель требовала внесения большого количества удобрений. С конца XIX в. в севооборот были включены кукуруза, овощи и другие культуры.

Наиболее древним типом земледелия в лесных местностях некоторые ученые считают подсечно-огневое земледелие, которое, как они полагают, практиковалось еще в неолите⁴³. Этот наиболее архаичный способ обработки земли встречается у ряда народов Европы, Юго-Восточной Азии, Океании и Африки. В классическом виде, как известно, он существовал в охотничье-скотоводческо-земледельческих культурах, отличавшихся своей мобильностью, т.е. передвижениями на большие расстояния по лесистой и смешанной местности. На примере балкарцев мы видим, что подсечно-огневое земледелие служило средством приращения посевных площадей при постоянной обработке старых. В этом – главное отличие горного подсечного земледелия от равнинного. В горах отвоеванные у леса участки не забрасывались даже на короткий срок, как это имело место у равнинных народов. По существу это не было подсечно-огневой системой как таковой. Новые земли становились неотчуждаемой собственностью хозяев, приведших их в культурное состояние. В верховья рек еще в период позднего средневековья леса подступали вплотную к древним поселениям балкарцев⁴⁴. Леса вырубались для постройки домов, хозяйственных помещений и ради отопления жилищ. Каждая семья, по свидетельству информаторов, знала, в каком месте были срублены гигантские несущие столбы (балк. *чыгъынжиле*) их домов, построенных в XVIII в. Как правило, назывались местности, расположенные неподалеку от дома. К первой половине XIX в. леса стали собственностью владетельных фамилий и их представители запрещали вырубку леса или устанавливали ограничения даже на рубку сухих деревьев и валежника на топливо. После отмены крепостного права и переселения части балкарцев в предгорья во второй половине XIX в. элементы подсечно-огневого земледелия вновь стали практиковаться на новых землях, покрытых большими лесными массивами.

Не исключено, что засушливый климат, господствующий в верховьях рек Черек и Чегем, – следствие подобного антропогенного воздействия на окружающую среду: вырубка лесов практически всегда приводит к уменьшению осадков.

При наличии нескольких пахотных участков балкарцы могли практиковать чередование культур, которое получило особое развитие со второй половины XIX в., когда им стали известны картофель, кукуруза, овощи. Кукуруза не смогла адаптироваться в горах, и главной злаковой культурой здесь оставался ячмень. В Балкарском ущелье, больше чем в других ущельях, сели просо, дававшее неплохие урожаи, если его чередовали с прочими культурами⁴⁵.

Нельзя обойти вниманием и важный для культурогенетических исследований вопрос

о сельскохозяйственных культах. Б.А. Калоев сообщает, что у балкарцев сохранился лишь культ *Эрирея* – божества урожая. Нами выше были отмечены сложность и разнообразие балкарских языческих календарных обрядов и аграрных культов. Несомненно, вопрос требует отдельного исследования, но здесь мы коснемся лишь нескольких его аспектов, характеризующих роль земледелия в культуре жизнеобеспечения этноса и выявляющих некоторые параллели с соседними народами.

Итак, земледельческий культ занимал важное место в обрядовой жизни балкарцев и карачаевцев (как и у всех земледельческих народов мира). Сложный и развитой пантеон аграрных божеств свидетельствует о большом возрасте аграрной культуры, которая древнее самих этносов⁴⁶. В этом отношении балкарцы и карачаевцы резко отличаются от большинства других тюркоязычных народов, у которых данная сфера разработана слабее. Исследователю земледельческого культа сразу бросается в глаза местная специфика как в пантеоне божеств, так и в отправлении аграрных обрядов в каждом балкарском ущелье, что, несомненно, свидетельствует о сложности этногенетических процессов, протекавших в горах Центрального Кавказа. К примеру, если в Балкарском, Холамском и Безенгиевском обществах наиболее значимым и грандиозным языческим праздником весны и начала земледельческих работ считался Голлу, то в Чегеме особо почитаемыми праздниками были *Гутан* и *Хардар*. В Баксане и в Карачае более важным считался культ *Чопны*, слабее представленный в Чегеме. Общебалкарским считалось божество Земли *Жер теъреси-Дауле*, от которого зависела урожайность. В песне-молитве этому божеству говорится: «Онгда да Дауле, солда да Дауле, кекде да Дауле, жерле да Дауле, хар жерде да Дауле» – «И с левой (стороны) Дауле и с правой стороны Дауле и везде Дауле»⁴⁷. Видимо, Дауле в древности был полифункциональным божеством, которому подчинялись все другие языческие божества (ср.: имя верховного вайнахского бога *Дяла*). С приходом ислама этот теоним стал ассоциироваться с арабо-мусульманским *Давлатом*. Кажется, все попытки этимологизировать этот термин оказались неудачными⁴⁸. Своими корнями он уходит в глубокую кавказскую древность и перекликается не только с вайнахским богом Дяла, но и со сванской богиней Дали. К этому же корню, видимо, восходит и название песни и танца (а может быть и божества) *Доллай*, исполняемой балкарцами при взбивании масла и во время некоторых общинных праздников.

Весенний обряд *Голлу*, посвященный одноименному божеству, не имеет аналогов ни у других народов Кавказа, ни в тюркском мире. Этимологию теонима некоторые балкарведы возводят к древнетюркскому названию солнца *Гой*, *Гюн*, что вызывает определенное сомнение. По исполняемым функциям Голлу можно сравнить с древнеегипетским богом Ра. Голлу был самым грандиозным из календарных обрядовых праздников Балкарии. Участники его одевались в одежду ярких расцветок, устраивали жертвоприношения, конкурсы красоты среди девушек, удали и смекалки среди юношей, скачки, танцы. Праздник продолжался круглые сутки, иногда несколько дней подряд и носил карнавальный характер. В конце праздника наиболее уважаемые его участники выходили с воловьей упряжкой и проводили первую борозду. Обряд заканчивался раздачей жертвенного мяса, хлебцев – *кьалачла*, *нардыула*, *тыммылла*, *локъумла* и пирогов – *хычылла*, *берекле*.

В Чегемском обществе весной устраивали аналогичные Голлу празднества, называемые *Гутан* и *Хардар*. Первый из них посвящен выходу на первую борозду. Другое его название *Гутана барыу*, что означает «поход к Гутану» (вероятно, под этим именем скрывалось имя архаического хтонического божества). К этому празднику чегемцы пекли ритуальные хлебцы *тыммылла* и нанизывали их на рога волов, запряженных в плуг, так же как и полотница с изображением горного козла или барана. Все это сопровождалось танцами и песнями. Бытование указанного обряда еще в начале XX в., спустя 250 лет после принятия ислама, свидетельствует о его устойчивости, которая может быть объяснена сильными позициями божества плодородия Гутан в доисламском пантеоне Чегема⁴⁹.

Еще среди дореволюционных исследователей укоренился этнокультурный стереотип балкарцев, характеризующий их как отгонных скотоводов и лишь в малой степени – земледельцев, который с успехом перешел и в отечественную этнографию. Этот умозрительный хозяйственно-культурный тип, по мнению этнографов, подкреплял версию о превалирующей роли половцев-кочевников (скотоводов) в этногенезе балкарцев.

Внимательный взгляд на культуру жизнеобеспечения может выявить иной хозяйственно-культурный расклад. Приведенный выше археологический и этнографический материал свидетельствует о том, что земледельческая традиция балкарцев восходит к земледельческо-скотоводческим культурам Северного Кавказа эпохи бронзы и энеолита. Именно эти высокоадаптированные культуры, на наш взгляд, и стали доминирующим субстратным ядром в этногенезе не только балкарцев, но и ряда других народов, обитавших в горах этого региона; на него позже накладывались адстратные и суперстратные компоненты. Как известно, отгонное скотоводство горцев Северного Кавказа представляло собой следующий (после стойлового) этап в развитии скотоводства, которое играло второстепенную роль по отношению к земледелию⁵⁰. С увеличением населения в горных ущельях и долинах эта локальная экологическая ниша перестала отвечать потребностям населения, произошла хозяйственная переориентация на отгонное скотоводство. Такая тенденция имела место и в истории хозяйства предков балкарцев. Характерно, что в балкарском рационе даже в начале XX в. преобладала мучная и кисломолочная пища. Мясо же было редкостью в повседневном питании большинства людей. Ассортимент мучных блюд был намного шире, чем мясных, они преобладали и в списке ритуальных блюд. Как сообщают архивные и литературные источники XIX в., большинство выращенного скота балкарцы обменивали у кабардинцев на продукцию земледелия (пшеницу, ячмень, пшено) – чаще всего на зерно, которое мололи на своих мельницах. Последние были практически у всех богатых балкарских фамилий. В Балкарии имелись ручные, водяные и даже одна ветряная мельница, каковая не была известна другим народам Северного Кавказа.

Таким образом, продукция скотоводства в значительной степени покрывала недостаток зерновой продукции, ощущавшийся в Балкарии. Потребность в обмене стимулировала развитие скотоводства, придавала ему доминирующее значение в экономической жизни общества в XIX в.

Наше исследование балкарского земледелия подчеркивает необходимость определить в нем этнокультурные компоненты, эволюцию хозяйственно-культурных типов начиная с эпохи бронзы. Чрезвычайно важно рассмотрение этногенетического аспекта земледелия. Думается, что решение поставленных задач даст нам ключ к разгадке некоторых малоизученных проблем не только балкароведения, но и кавказоведения в целом.

Примечания

¹ География Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1971. С. 46

² Калоев Б.А. Земледелие у народов Северного Кавказа. М., 1981.

³ Мамбетов Г.Х. Материальная культура сельского населения Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1981.

⁴ Вавилов Н.В. Избранные труды. Т.2. М., 1964.

⁵ Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX в.). М., 1967.

⁶ Амирханов М. Чохское поселение. Махачкала, 1982. С. 7.

⁷ Чеченов И.М. Нальчикская подкурганная гробница. Нальчик, 1973. С. 51.

⁸ Материалы научной сессии, посвященной происхождению балкарцев и карачаевцев (далее – Материалы...). Нальчик, 1960.

⁹ Крупинов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1963. С. 316.

¹⁰ Нарты. Карачаево-балкарский эпос. М., 1994. С. 68.

¹¹ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 1989. С. 23.

¹² Крупинов Е.И. Указ. раб. С. 316.

¹³ Батчаев В.М. Предкавказские половцы и вопросы тюркизации средневековой Балкарии // Археология

и вопросы древней истории Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1980; *Чеченов И.М.* Некоторые итоги раскопок посада Нижнего Джулата в 1967 году // Вестн. Кабардино-балкарского науч.-исслед. ин-та (далее – КБНИИ). Вып. 1. Нальчик, 1968. С. 133; *Волкова Н.Г.* Из истории городов Северного Кавказа. Маджары // Кавказский этнограф. сб. Вып. V. М., 1971; *Марков К.К.* География и палеогеография // Географические исследования четвертичного периода. М., 1979. С. 106.

¹⁴ Сб. материалов, относящихся к истории Золотой Орды (далее – Сборник). Т.2. СПб., 1884. С. 175; *Крупнов Е.И.* Указ. раб. С. 312.

¹⁵ *Гадао А.В.* Этническая история Северного Кавказа X–XIII вв. СПб., 1994. С. 32; Заключение // Материалы.

¹⁶ *Лавров Л.И.* Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в. // Кавказский этнографический сборник. Вып. IV. М., 1969.

¹⁷ История народов Северного Кавказа. М., 1990.

¹⁸ *Джаптуев А.А.* Земледельческая терминология у карачаевцев и балкарцев: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Нальчик, 1981.

¹⁹ Къарачай-Малкъар фольклор. Нальчик, 1997. С. 151.

²⁰ *Хабичев М.А.* Взаимовлияние языков народов Северного Кавказа. Черкесск, 1980. С. 51.

²¹ *Джаптуев А.А.* Указ. раб. С. 6.

²² Къарачай-Малкъар фольклор. С. 150.

²³ *Чеченов И.М.* Указ. раб. С. 133; *Волкова Н.Г.* Указ. раб.

²⁴ *Хабичев М.А.* Указ. раб. С. 29.

²⁵ *Джаптуев А.А.* Указ. раб. С. 7.

²⁶ *Калоев Б.А.* Указ. раб. С. 64.

²⁷ *Миضية И.М.* Балкария и Карачай в памятниках истории. Нальчик, 1979. С. 30.

²⁸ Тюркское племя // Терские ведомости. 1885. № 66. Также см.: *Тульчинский Н.П.* Пять горских обществ Кабарды // Терский сборник. Вып. 5. Владикавказ, 1902. С. 195.

²⁹ *Соболев С.И.* Ороклиматические особенности внутригорных котловин Большого Кавказа и перспективы их рационального использования // Трансформация горных систем Большого Кавказа под влиянием хозяйственной деятельности. М., 1987. С. 109.

³⁰ *Калоев Б.А.* Указ. раб. С. 63.

³¹ *Азаматов К.Г.* Социально-экономические отношения и обычное право балкарцев в первой половине XIX века. Нальчик, 1970. С. 78; *Кучмезова М.Ч.* Землевладение и землепользование в Балкарии по обычному праву // Вестн. КБНИИ. Вып. VI. Нальчик, 1972.

³² *Сабанчиев Х.-М.А.* Пореформенная Балкария в отечественной историографии. Нальчик, 1988. С. 85.

³³ *Миллер В.Ф., Ковалевский М.М.* В горских обществах Кабарды // Вестник Европы. Т.2. Кн.4. С. 548.

³⁴ *Кучмезов Б.Х.* Земледельческий обряд «Гутан» у балкарцев // Нравы, традиции и обычаи народов Кавказа. Пятигорск, 1997. С. 87.

³⁵ *Борзунов А.К., Бочавер А.Г.* Комплекс антропогенно-склоновых террас – состояние, трансформация и вопросы использования // Трансформация горных экосистем Большого Кавказа под влиянием хозяйственной деятельности. М., 1987. С. 40.

³⁶ Полевые материалы автора из Верхнечегемского ущелья. Информатор Хасан Мирзоев.

³⁷ *Борзунов А.К., Бочавер А.Г.* Указ. раб. С. 91.

³⁸ Полевые записи автора в с. Безенги (1991 г.). Информация Щарафутдина Чочаева. Тому причиной может быть и малое количество осадков в этой местности – от 300 до 400 мм в год, как это зафиксировано в ряде других районов.

³⁹ *Азаматов К.Г.* Указ. раб. С.65. Термин *дуркъу* имел значения и «загон», и «терраса». Н.Ф. Грабовский отмечал, что до реформы в Балкарии было 1695 загонов пахотной земли. См.: *Грабовский Н.Ф.* Экономическое положение бывших зависимых сословий кабардинского округа // Сб. сведений о кавказских горцах. Вып. IV. Тифлис, 1870. С. 145.

⁴⁰ *Джаптуев А.А.* Указ. раб. С.13.

⁴¹ Полевые материалы автора из с. Герпегеж. Информатор И. Жабоева (1909 г.р.).

⁴² Там же.

⁴³ *Калоев Б.А.* Указ. раб. С. 56.

⁴⁴ *Лавров Л.И.* Указ. раб. С. 126.

⁴⁵ *Сабанчиев Х.А.* Указ. раб. С. 35.

⁴⁶ *Кучмезов Б.Х.* Указ. раб. С. 87.

⁴⁷ *Джуртубаев М.Ч.* Древние верования у балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1991. С. 135.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ *Малкондуев Х.Х.* Песенная обрядовая поэзия карачаевцев и балкарцев. Нальчик, 1997. Термины *Птон, Готтон, Гутан, Гутани, Котан* известны грузинам, осетинам, азербайджанцам, дагестанцам, вайна-

хам. Попытки их этимологизации с позиций ряда языков оказались неудачными. См.: *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т.1. Для сравнения: у китайцев *гаотоу* – тяжелая мотыга. См.: *Семенов С.А.* Происхождение земледелия. М., 1973.

⁵⁰ *Ямсков А.Н.* Экологические факторы эволюции форм скотоводства у тюркоязычных народов Северного Кавказа // Сов. этнография. 1986. № 5. С. 22–34.

B. Kh. K u c h m e z o v. Land cultivation among the Balkars

Up till now deeply enrooted in ethnographical science remains the ethnocultural stereotype of the Balkars which characterizes their main occupation as distant pasturing supplemented to some insignificant degree with land cultivation. The article's author refutes this opinion: on the basis of data from archaeology and ethnography, and having analyzed their land cultivation technologies (such as hill slope terracing, field irrigation systems, etc.) as well as their cults and ceremonials pertaining to land cultivation, he comes to the conclusion that the land cultivation tradition of this people is very ancient and is traceable in its roots back to the pastoral-agrarian cultures of the North Caucasus of the Bronze Age and Eneolithic.

© 2001 г., ЭО, № 1

Ю.В. И в а н о в а

ВОЗВЕДЕНИЕ ЖИЛОГО ДОМА И ОРГАНИЗАЦИЯ УСАДЬБЫ У НАРОДОВ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

На ранних стадиях развития человечества не только присваивающее, но и докпиталистические формы производящего хозяйства были органически включены в природные условия бытия. Вместе с тем деятельность человека влияла на состояние биосферы, вела к нарушению целостности природной среды: возведение жилого дома, усадьбы одновременно с хозяйственным освоением этой среды создавало новый – антропогенный – ландшафт. В процессе конструирования жилой (в более широком плане – поселенческой) среды большая роль принадлежит этнокультурной традиции, присущим данной культуре формам адаптации людских коллективов к природным условиям¹.

Наиболее надежные источники, служащие основой для рассмотрения заданной темы, относятся преимущественно к периоду от XVIII–XIX вв. до середины XX в. – времени резких, принципиальных изменений в жизни народов Юго-Восточной Европы, происходящих в их социальном строе, во всей системе ценностных ориентаций, когда этнокультурные традиции в значительной степени (хотя не абсолютно) уступали приемам строительной индустрии.

Естественно-географические условия Юго-Восточной Европы определили здесь сочетание нескольких хозяйственно-культурных типов (ХКТ), среди которых можно выделить три основных: высокоспециализированное пашенное земледелие – выращивание зерновых, плодовых и виноградных культур; отгонное скотоводство с сезонной вертикальной перекочевкой стад, преимущественно овечьих, с высокогорных летних пастбищ на низинные зимние (в специальной литературе этот ХКТ принято называть *трансюманс*) и морские промыслы на побережьях и островах².

Традиции основания поселений и распределения в них усадеб находятся в прямой связи с направлением хозяйства. Сельские жители были, образно говоря, «стихийными экологами»: условия существования принуждали их к рациональному использованию по мере возможности природных ресурсов. В Юго-Восточной Европе, как на материке, так и на островах, преобладает горный рельеф. Необходимая площадь для возведения